

вития социальных форм чувственности. Особенно важное значение приобретает эстетическое оформление воспитательного процесса. В отличие от образования, воспитание как раз и представляет собой процесс управления эмоциональным развитием человека. Поэтому воспитание не может не быть эстетическим. Эстетика – есть грамматика чувств, а эстетик, как профессионал, должен быть не праздным философом, а специалистом в сфере управления социальной чувственностью. И если эстетика претендует на статус науки о чувственной культуре общества, то эстетикам надо засучивать рукава и приступать к изучению логики становления, типологизации, классификации, содержательной структуры всех форм человеческой чувственности.

Эстетическое воспитание представляет собой культурную, ненасильственную, притягательную и завораживающе-увлекательную форму преобразования врожденных биологических эмоций в сложные системы социальных чувств, обеспечивающих социальное поведение и активность человека. Гуманистический характер эстетического воспитания делает его в современных условиях незаменимым средством социализации индивида и управления его поведением в обществе. Свободный и творческий характер эстетической деятельности обуславливает в конечном итоге необходимые и социально оправданные формы деятельности людей. Именно в этом состоит полезность бескорыстной эстетической эмоции и именно в этом смысле следует понимать слова М. Горького об эстетике как этике будущего. Хотя, конечно же, искусственное управление эмоциями создает возможность для разного рода способов манипулирования интересами и поведением людей, что особенно наглядно демонстрируют современные политические технологии, мода, реклама, шоу бизнес и пр. Поэтому нельзя недооценивать эффективность эстетических разновидностей идеологического оболванивания масс, социальную избирательность и результативность эстетического оружия. Поэтому регулятивная функция эстетического, его потрясающая способность воздействовать на поведение широчайших масс людей должны, наконец, получить свой социально-правовой статус как в системе социального знания, так и в системе форм государственного управления и регулирования.

Список литературы

1. *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Наука, 1974.
2. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс, 1979.
3. *Симонов П.В.* Высшая нервная деятельность. Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Наука, 1975.

УДК 130.2

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Л.И. Зиннурова
Симферополь, Украина

Под культуротворческой функцией подразумевается созидание высокодуховных, нравственно безупречных, в определенной мере совершенных объектов в искусстве, философии, науке, а также формирование неких особенных и

значимых качеств, характеризующих как перечисленные области духовного бытия, так и относящихся к ментальности народа, формам социального бытия, социальным группам.

Характер религии, ее внутренне-сокровенные качества оказывают мощное влияние на культуротворческий процесс: православие – благотворно-умиротворяющее, католицизм – мрачно-величественное, протестантизм – нервно-деструктивное. Так, В.В. Розанов, усматривая в православии долготерпение, смирение и великодушие, внутренний покой, считает, что все это выражается в отсутствии какой-либо экзальтации и в явной пространственной неустремленности храмов; прерывистость и страстность чужды православным церковным напевам, в то время как сумрачны и затенены католические соборы, как страстно устремлены ввысь готические их разновидности, какое тоскующее желание и трудно сдерживаемый порыв свойственен церковной западной музыке.

В русском искусстве XIX в. нет кричащих красок, резких форм, отмечает Н. О. Лосский. Даже в изображении глубинных степеней зла и исключительных характеров и положений, резкие углы не выступают, а изображение предстает «содержательным и полным смысла, как и сама мировая действительность, руководимая Провидением». Гоголь боролся с дьяволом, представляя его в комическом виде; Достоевский вскрыл сатанинские глубины зла в человеке и показал, что спасение от зла возможно только при благодатном содействии Бога.

Серьезность и глубина восприятия греха, грехопадения, например, потребовала необходимой мистической глубины в душе художника, глубоко созвучной мистичности восприятия православным народом подлинного искусства.

В свою очередь, такое искусство способствует оживлению и облагораживанию народной фантазии.

По мысли В.В. Розанова, сложившаяся и переданная православная церковь и монастырь не расщепляет человеческую личность, посему в овеванном православием искусстве, невозможно возникновение декаданса, который был явным следствием распада «Я» в себе самом, произошедшем в результате трехвековой борьбы с великими объективными институтами – церковью и государством в истории католичества.

Н.О. Лосский убедительно проводил идею влияния софийной религиозности русского православного народа и вечных поисков им абсолютного добра на быстрое и успешное освоение западно-европейской культуры в целом и науки в частности, благодаря чему Россия поистине блеснула в области науки в XIX в: Н.И. Лобачевский, М.В. Остроградский, П.Л. Чебышев – математика, Д.И. Менделеев – химия, П.Н. Лебедев – физика, В. Соловьев – философия, С.М. Соловьев, Ключевский, Карамзин – история, Докучаев – почвоведение, а также в быстром и успешном развитии промышленного и инженерного искусства: П.Н. Яблочков – электротехника, радио и телеграф – Попов. На этом же основании возникают и развиваются дарования в области искусства, любовь к красоте и ее утонченное восприятие, свойственное как художникам, так и представителям простого народа, о чем проникновенно писали Щедрин и Шмелев, Достоевский и Тургенев.

Лучшие качества русского народа трактуются Н.О. Лосским как следствие глубоко нравственного духа народа. А возвышенный характер русской литературы, искание абсолютного добра, обличение зла, неутомимые поиски смысла жизни, глубокое проникновение в тайники душевной жизни, воспитательный характер проистекают из глубоко православного духа величайших представителей русского народа, составивших плеяду блестящих писателей

XIX века. Даже реализм литературы есть не что иное как, изображение действительности в свете Божьей правды.

Соборность как глубоко характерная особенность русского православия воплотилась в полифонической и ладогармонической фактуре русской народной и официальной музыкальной культуры (многоголосие, подголосочная полифония), что подчеркнуто, как говорит Н.О. Лосский, отсутствует в музыкальном фольклоре западноевропейских стран. «Народный хор есть свободное единение многих личностей в одно целое» – именно таким образом определяет философ, достоинство русской народной музыкальной культуры.

Выражением высокого духа русской религиозности является иконопись, не имеющая аналогов в мировой живописи: русская иконопись лишена характера земной милоты, она поднимает дух в сферу сверхземного бытия.

Великое спокойствие, равновесие духа, особенная просветленность свойственны творчеству А. Рублева, отмечает Н.О. Лосский. Интересно, что русский философ обращает внимание на невысокую художественную ценность живописи передвижников, одержимых идеей достижения социальной справедливости путем практического осуществления социализма.

Религиозность русского народа выразилась и в расцвете религиозной философии, считает Н.О. Лосский. В.Ф. Эрн усматривает глубокую и поистине оригинальную почву русской философской мысли как в глубоком влиянии и интересе к западной мысли, так и в «субстанциальной пронизанности религией Слова».

Религиозность русской философии В.Ф. Эрн определяет исходя из самого принципа философствования: для сравнения – религиозность даже самых религиозных западных философов коренится в их личности, что приводит либо к двойной бухгалтерии у Декарта, Бэкона, Гоббса, либо к принципиальной несоединяемости религии и философии у Канта.

На православной закваске выросла онтологическая конкретность русской философской мысли. В.Ф. Эрн считает, что православие предостерегло русскую философию от рационализма, явившегося подрывной миной культуры Запада. Православное понимание как онтологического единства социальной и космической жизни, внутреннего метафизического единства человечества объясняет, по В.Ф. Эрну, тот поразительный факт, что русские мыслители, разделенные большими пространственными промежутками, не зная друг друга, «перекликаются между собой и, не сговариваясь, в поразительном согласии подхватывают один другого».

Такая «яркая и основная черта русской философии как персонализм, т.е. подчеркнутая значительность личности ее творцов» зиждется, по мнению В.Ф. Эрн на присущей православию «сверхобычной напряженности личной жизни, повышенном онтологически-жизненном самосознании: мудрость Слова (Логоса) в православии не может быть дана помимо личности, она раскрывается в личности и через личность». Поэтому оценивать русскую философскую мысль нельзя только тем, что сказано и написано, а необходимо принимать во внимание «богатейшее обертонье тайн и намеков, ее пронизывающих», нужно знать, что пережили и как жили философы. Личность философа возвышается над их творениями, является тайной, которую не могут вместить никакие слова, и намекнуть на которую может только слово поэта или художника. Центральная святыня народная – Святая Русь – духовная основа всех высших явлений самостоятельной и творческой русской культуры; Святая Русь – «совершенно конкретная мистическая реальная святыня умного делания народа и его духовного бытия», утверждает Эрн. Народные верования в России легли в основу «нелетящего ядра славянофильских идей».

По Эрну, Россия «изнутри существенно православна. Все тело народное проквашено религией Слова». Эта «проквашенность» сказывается даже в случае бытования вне религии: так, Чехов, сознательно живший вне всякой религии, существенно православен, в смысле своих художественных созерцаний.

Интересно, что доказательство культуротворчества православия у русских философов возможно и способом от противного: П.И. Новгородцев усматривал кризис культуры в России в отрыве от религии, а выход из кризиса – в опоре на религиозно-нравственное просвещение духа. «Русский народ, по его размышлениям, не встанет со своего одра, если не пробудятся в нем силы религиозные и национальные; воскресит Россию воспрянувший к свету вечных святынь народный дух».

Ни одна из форм организации жизни не будет эффективной, если в нее не будет вложено народом духовное содержание, которое безусловно основано на православии.

Возникновение беспрецедентного в мировой культуре феномена – русской интеллигенции также было возможным лишь в условиях православного мироощущения; критически-рационалистический Запад смог породить лишь технократов.

УДК 17.0

МИФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР «ЭТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» В ФИЛОСОФИИ*

*М.Ю. Савельева
Киев, Украина*

1. На рубеже XX–XXI вв. всё сильнее проявляется тенденция развития философии постмодернизма, согласно которой происходит дальнейшее разветвление «ризомной» сферы сознания, вследствие чего возникают всё новые и новые структурные очаги, содержательные лакуны и проч. Традиционные принципы метафизики сегодня всё больше вытесняются принципами оперативности, адаптации, самоорганизации. Целью этой философской «реформации» является создание универсальных технологий мышления для обеспечения межличностного и межкультурного понимания в масштабах всей земной цивилизации, чтобы на его основании иметь возможность объединиться для решения глобальных проблем. Механизм, обеспечивающий создание таких технологий, – это практика *дискурса*.

В этот процесс вольно или невольно втягиваются и представители философских традиций, существовавших в границах бывшего СССР.

2. Все эти перемены привели к тому, что философия последних десятилетий переживает целый ряд «поворотов», – т.е. формально-содержательных и методологических реформ, в центре которых оказываются главные мировоззренческие категории. Так, сегодня констатируют свершившиеся факты «антропологического» и «культурологического» поворотов. Особое место, в этой связи, занимает «этический поворот», о котором, пожалуй, заговорили в первую очередь.

3. Если философия постмодернизма ориентирует в целом на переход от